

УДК 94(47+57)

А.Г. ТЕПЛЯКОВ

**УЧЕТНО-ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ ПОЛПРЕДСТВА ОГПУ
ПО СИБКРАЮ В 1929–1930 гг.:
ДЕЛА И ЛЮДИ ЭПОХИ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»**

Новосибирский государственный университет
e-mail: tepliakov@online.nsk.su

Статья посвящена деятельности одного из главных подразделений органов ОГПУ по Сибирскому краю эпохи «великого перелома» – учетно-осведомительного отдела (УЧОСО), не только занимавшегося сбором политической информации, но и боровшегося с крестьянским сопротивлением режиму. Анализируются структура, функции и кадры отдела, рассматриваются наиболее характерные политические дела, которые расследовались сотрудниками этого отдела в 1929–1930 гг.

Ключевые слова: Сибирь, ОГПУ, политическая информация, крестьянские восстания, репрессии.

Учетно-осведомительный отдел (УЧОСО) – одно из основных подразделений полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Сибирскому краю в 1929–1930 гг., имел свой аппарат как в полпреде, так и во всех его 19 окружных и областных подразделениях. В литературе последних лет учетно-осведомительные отделы лишь упоминаются, а функции не анализируются. Их аппараты создавались некоторыми региональными подразделениями ОГПУ в рамках оптимизации собственной структуры, заменяя традиционные информационные отделы (ИНФО). Так, с середины 1920-х гг. в ГПУ УССР существовало учетно-осведомительное управление [1, с. 24]. Аналогичным образом проводилось (только гораздо позднее, в 1929 г.) реформирование ИНФО ПП ОГПУ по Сибкраю в учетно-осведомительный отдел.

После окончания Гражданской войны особое внимание «органов» направлялось на подготовку всесторонней политико-экономической информации для руководства страны. Поэтому, например, начальники информационных отделений окружных отделов ОГПУ имели высокий статус, являясь одновременно заместителями (помощниками) начальников окротделов. Сотрудники ИНФО занимались освещением политических настроений всех слоев населения, регулярно составляли подробные сводки. Кроме того, ИНФО осуществляли цензуру, наблюдая за печатью, зрелищами и связью. В организации негласной работы аппараты ИНФО, обладавшие наиболее разветвленной осведомительной сетью, играли координирующую роль: получив агентурные данные компрометирующего характера и сочтя их достойными «разработки», уполномоченные ИНФО передавали добытые сведения в соответствующие отделы ОГПУ: на «вредителей» и «саботажников» – в экономический отдел; на

уличенных в «антисоветской агитации» – в секретный; на «шпионов» – в контрразведывательный.

Ликвидация нэпа и политика «чрезвычайщины» резко обострили ситуацию в стране и привели к активизации карательной системы. Примерно в конце весны 1929 г. сибирский аппарат ИНФО был усилен за счет присоединения к нему подразделения, ведавшего оперативными учетами, а также, вероятно, следственного отделения и преобразован в учетно-осведомительный отдел, просуществовавший до октября 1930 г. В этот период произошло значительное увеличение численности УЧОСО, связанное с резким ростом штатов ОГПУ в целом (так, партийная ячейка Томского окружного отдела ОГПУ с мая 1929 г. по май 1930 г. выросла с 59 до 84 чел., причем работников ИНФО среди них в мае 1930 г. насчитывалось не менее 15 чел.¹, т.е. столько, сколько было всего чекистов во второстепенных окротделах, таких как Барабинский или Славгородский).

В 1929–1930 гг. начальником УЧОСО являлся доверенный полпреда ОГПУ Л.М. Заковского – Г.А. Лупекин, руководивший с 1928 г. аппаратом ИНФО полпредства и в отсутствие Заковского не раз исполнявший обязанности полпреда. До конца ноября 1929 г. заместителем Лупекина был старый чекист Я.М. Краузе, которого затем перевели с понижением на должность помощника начальника Барнаульского окротдела ОГПУ. Новым заместителем начальника УЧОСО стал бывший глава Рубцовского окротдела Н.Н. Хвалебнов. Помощниками начальника УЧОСО в разное время являлись П.Е. Помялов, А.Г. Флоринский, Г.Л. Биримбаум [2, с. 278, 194, 436; 3, с. 717; 4, с. 97, 337, 425].

Аппарат УЧОСО в Новосибирске состоял из четырех отделений. Одно из них было информационным,

¹ ЦДНИТО. Ф. 3791. Оп. 1. Д. 30. Л. 28; Д. 34. Л. 1–20.

оно опиралось на мощный агентурный аппарат, другое – следственным, функции остальных предположительно касались учетной и цензурной работы. Начальником 1-го и врид начальника 2-го отделений УЧОСО являлся А.И. Хваленский, врид начальника 2-го отделения – бывший работник особых отделов Г.И. Новоселов. Весной – осенью 1930 г. начальником 3-го, а затем – 2-го отделений УЧОСО был П.В. Чистов. С 1929 г. 4-м отделением УЧОСО руководил бывший помначальника регистрационно-статистического отдела ПП ОГПУ А.Р. Данченко, а не позднее лета 1930 г. его сменил бывший уполномоченный УЧОСО Т.М. Бошкин. Среди видных работников краевого аппарата УЧОСО следует назвать В.П. Журавлева, И.Н. Павлова, Я.А. Пасынкова, В.И. Савишникова, В.В. Соловья, М. Туркина. В окротделах выделялись активностью Н.А. Барков, А.В. Борзенко, Я.Н. Карташев, А.Г. Луньков, М.С. Панкратьев, Е.Н. Смирнов, Г.К. Тютюник и др.²

Судьба наиболее крупных работников УЧОСО сложилась вполне предсказуемо: активно проводя политику террора, они получали звания и награды, а в конце 1930-х гг. были признаны «изменниками» либо «перестаравшимися» и репрессированы (Лупекин, Биримбаум, Данченко, Краузе, Новоселов, Помялов, Хвалебнов, а также Павлов и Луньков); Соловей и Панкратьев были арестованы в 1933–1937 гг. за служебные преступления [4, с. 98, 112, 333, 519; 5, с. 679–681]. Однако многие деятельные работники (например, будущие старший майор ГБ В.П. Журавлев (1901–1946), полковник Я.А. Пасынков (1900–1986) или подполковник А.Г. Флоринский (1899–1963)) оказались удачливее: так, Журавлев в 1939–1941 гг. являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а Пасынков в 1950 г. вышел в отставку с должности начальника КРО УМГБ по Новосибирской области³.

Тщательный сбор сведений на опасных для режима лиц являлся одной из важнейших функций УЧОСО, для чего использовались агентура и перлюстрация. Особое внимание уделялось контролю переписки неблагонадежных лиц, письмам, отправляемым и получаемым из армии и из-за границы. Зафиксированные недоброжелательные высказывания становились поводом к началу агентурных разработок, т.е. негласных дел на лица; они составлялись на основе различных компрометирующих материалов. Данные материалы являлись основным содержанием и дел-формуляров (досье) на отдельных граждан, которые именовались «учетниками».

Досье на подозрительных лиц до конца 1920-х гг. охватывали сравнительно небольшую часть населения края: к 1928 г. на учете сибирских чекистов состояло около 37 тыс. «антисоветских элементов». Самой мас-

совой прослойкой были «кулаки», репрессированные в 1919–1922 гг. – 12 000 чел., а также белые казаки (7500) и бывшие офицеры (5230). К повстанцам были отнесены 3644 чел., членам политических и уголовных банд – 3542, бывшим контрреволюционерам – 700 чел. Служителей культа стояло на учете до 2000 чел. Членов антисоветских партий насчитывалось 2058 чел. – 860 эсеров, 624 меньшевика, 132 дашнака, 131 анархист, 30 сионистов, 28 народных социалистов, а 253 чел. были отнесены к троцкистам и прочим «партийным отщепенцам» [6, с. 187]. Значительную часть «подучетного элемента» чекисты прорабатывали с помощью своей агентуры.

Масштабы учетной работы не соответствовали требованиям эпохи «великого перелома», когда в связи с жесточайшим раскрестыиванием число «врагов» умножилось. Крайне слабо обстоял учет неблагонадежных в сельской местности, где до лета – осени 1930 г. действовали немногочисленные участковые уполномоченные, обслуживавшие по два-три района. В округах эту деятельность районных чекистов курировали работники УЧОСО. С введением института районных уполномоченных в каждом районе ситуация изменилась далеко не сразу, поскольку во многих райаппаратах ОГПУ в начале 1930-х гг. не был налажен даже учет агентурной сети, не говоря уже о подготовке списков неблагонадежного элемента (подобные списки были не везде и в 1937 г.)⁴.

Регулярные оперативные сводки учетно-осведомительного отдела представляют собой исключительно ценный источник, содержащий информацию как о настроениях общества, так и о протестных проявлениях. Так, большой интерес представляет подробная сводка УЧОСО в Сибкрайисполком от 16 марта 1930 г. о перегибах в ходе коллективизации в крае. Приводится масса фактов преступлений местных властей в отношении «раскулаченных». Итоговая записка УЧОСО об экспроприации «кулачества» от 25 апреля 1930 г. еще более информативна и откровенна. Так, в ней прямо сказано, что «у ряда районных работников и особенно у низовых сложилось мнение, что выселение в данное время кулачества является началом их физического уничтожения, и на последовавшие директивы [они] смотрели как на прикрытие, маскировку вышестоящими органами проводимой расправы с кулачеством». Аппараты УЧОСО составляли и оперативные сводки о волнениях в округах, причем все протестные проявления фиксировались с особой тщательностью: наряду с сообщениями о волнениях, поджогах, покушениях на сельских активистов и т.п. подробно описывались также составленные крестьянами антиправительственные листовки. Распространение любой неразрешенной информации рассматривалось чекистами в одном ряду с прямыми «контрреволюционными действиями» [7, с. 60–79, 86, 124–131; 8, с. 40–41].

Органы ОГПУ, опиравшиеся на раздутый, но не очень эффективный агентурный аппарат, оказались

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2964. Л. 101; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 12800; Ф. П-4. Оп. 18. Д. 708; Д. 9102. Л. 1–16; АУФСБ по НСО. Д. П-5710. Т. 1–3.

³ ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 68. Л. 1–2 об.; РГАСПИ. Ф. 17. Регбланк партбилета № 0606050 на А.Г. Флоринского.

⁴ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-11776. Т. 1. Л. 104.

неспособны предотвратить колоссальную вспышку крестьянских выступлений в 1930 г. – в них участвовало свыше 3 млн чел. В условиях нарастания повстанческой активности в начале 1930 г. чекистские руководители приняли решение действовать методами «массовых операций». Получив в феврале 1930 г. указание ОГПУ арестовать 5–6 тыс. наиболее «злостных кулаков», сибирские чекисты репрессировали крестьян примерно вчетверо больше. Карательная машина опиралась на массовые репрессии, что позволяло обходиться без серьезной агентурной проработки. Чекисты ограничивались первичной негласной информацией, зачастую от заведомых и специально подготовленных провокаторов, а затем, с помощью пыточного следствия и внутрикамерных агентов, разворачивали «дело» до большой «повстанческой» организации.

Помогая «раскулачиванию», чекисты с осени 1929 г. повсеместно фабриковали дела как на «заговорщицкие повстанческие организации», так и на тысячи «антисоветских одиночек». «Крупные организации» создавались наспех из жителей неблагонадежных сел и деревень, «комплектовались» из родственников и знакомых, поэтому включали большое количество «социально-близкого» элемента. Следствие нередко продолжалось всего лишь нескольких дней, обычно являлось сугубо формальным: протоколы с признаниями составлялись следователем, задачей которого было добиться подписи арестованного. Значительная часть фигурантов подобных дел приговаривалась к расстрелу во внесудебном порядке. Так, для начального периода «раскулачивания» характерно дело, сфабрикованное работниками УЧОСО Канского окр. отдела ОГПУ на группу из почти 30 крестьян с. Залипье Туровского сельсовета Абанского района. Они обвинялись в «срыве хлебозаготовительной кампании и налоговой политики с одновременным призывом к свержению советской власти вообще...» Малограмотные крестьяне Ф.П. Бубынин, Ф.Д. Ганчитский, Е.Т. и З.Н. Кунтенковы, Е.И. и И.А. Сюскины, А.А. Труханенко, а также их «главарь» – бывший жандарм и «раскулаченный» М.М. Ситкевич – были арестованы в начале октября 1929 г., осуждены тройкой полпреда ОГПУ 5 ноября по ст. 58-10-11 УК РСФСР и расстреляны в Канске 14 ноября. О том, как велось следствие по этому делу, прекращенному лишь в 1992 г., можно судить по свидетельским показаниям одного из крестьян, которому выдали из тюрьмы окровавленную одежду, принадлежавшую его знакомому [9; 10]. Людей повсеместно расстреливали только за агитацию против власти, а эту меру ст. 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда) предусматривала лишь в период войны. Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о террористическом характере чекистской политики.

В первой половине 1930 г. количество подобных дел резко возросло, причем численность наиболее крупных «контрреволюционных повстанческих организаций» нередко превышала 100 чел. Известны крайне жестокие расправы: например, по делу «террористической кулацкой группы» Кочневского района из

70 осужденных в марте 1930 г. расстреляли 59 чел. Фактически это дело стало ответом на массовый протест женщин в селах Катково и Крохалево, где 3 и 4 февраля 1930 г. толпы численностью в 300–400 женщин осаждали сельсоветы, требуя немедленного роспуска коммун и возвращения отобранного имущества. В обвинительном заключении, составленном уполномоченным УЧОСО Я.А. Пасынковым, говорилось, что названные села участвовали летом 1920 г. в Колыванском восстании. Генеалогия «женских волынок» для чекистов была совершенно ясна, поэтому исторически неблагонадежные селения подлежали массовой чистке. За агитацию и «террористические намерения» чекисты осудили к расстрелу 84 % участников этой «организации», в их казни активно участвовал и начальник отделения УЧОСО А.Р. Данченко [11, с. 376–378].

В представлении Г.А. Лупекина к ордену Красного Знамени в июне 1930 г. Заковский отмечал, что тот являлся заместителем начальника оперативной группы полпреда, отвечавшей за «раскулачивание».

Он «руководил аппаратом Учосведотдела, организующим практически удар по кулацким контрреволюционным группировкам, кулацкому, антисоветскому активу и работой по организации выселения наиболее злостных кулаков на север. ...Тов. ЛУПЕКИН со времени его назначения в Сибирь на должность Нач. УЧОСО (ИНФО) ПП ОГПУ проделал весьма большую работу по постановке политической информации, так и активизированию аппарата ИНФО в агентурно-оперативной работе... Руководство организацией мероприятий по выселению кулачества, отнесенного ко II категории, принадлежит в основном ему. Несмотря на срыв первоначального плана организации выселения из-за бездействия на местах в округах сов. [и] партийного аппарата, быстро под его непосредственным руководством был разработан второй план, в своем осуществлении давший 62 % выполнения контрольной цифры, данной центром ОГПУ... По линии аппарата Учосведотдела с 1/II [и до мая] с. г. оперировано [арестовано. – А.Т.] до 14.000 чел. из общего числа 16.000 с лишним, изъято контрреволюционного актива до 6.000 чел. из общего числа 6.841, группировок до 400 с лишним из общего числа 586 группировок и т.д. Под его личным руководством в пределах Новосибирского округа ликвидированы наиболее крупные контрреволюционные организации: Вассинская, до 200 чел., Чулымская, до 400 чел., и Новосибирская, до 140 чел.⁵.

В Вассинском (Тогучинском) районе Новосибирского округа весной 1930 г. была ликвидирована «организация» во главе с бывшим партийцем Шустовым. Она якобы возникла в конце 1929 г., достигла численности 161 чел. и планировала поднять восстание 1 апреля 1930 г. Чекисты сообщали в Москву, что у повстанцев были клички, шифр и нелегальные резидентуры в населенных пунктах, а оружие они намеревались купить либо отобрать у коммунистов. Один из руководителей (вероятно, сексот), опасаясь ареста, бежал, помешав чекистам арестовать большую группу связанных с ним

⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 106. Л. 17; Д. 122. Л. 233–234.

лиц. Как пояснял Я.А. Пасынков, поторопившиеся чекисты «начали операцию, когда один из резидентов организации Крюков выехал в гор. Новосибирск, узнав об операции, [он] домой не вернулся, а в связи с этим нами осталась нераскрытой боевая группа в 135 человек, подчиненная Крюкову»⁶. Аналогичным образом фабриковались и другие крупные дела.

Что касается «группировок», то они обычно составлялись из 8–10 арестованных, и в каждом округе их создавали десятками. Заслуги начальника УЧОСО Бийского и Иркутского окротделов Ф.И. Кривошеева в том же июне 1930 г. оценивались Заковским следующим образом:

Провел большую подготовительную работу, обеспечившую последующие успехи по ликвидации организующейся контрреволюции в Бийском округе. Умело подготовил и своевременно мобилизовал внимание районного аппарата на основных участках работы. Непосредственно принимал участие в разработке и ликвидации значительного числа контрреволюционных группировок⁷.

После окончания зимне-весенней кампании 1930 г. по «раскулачиванию» террористическая активность ОГПУ, опиравшаяся на масштабные агентурные комбинации, оставалась на высоком уровне. Так, в деле «Черные» на 300 крестьян-«повстанцев» Новосибирского, Барабинского, Каменского и Славгородского округов содержатся откровенные свидетельства провокационной деятельности ряда агентов. Последние доносили о подготовке вооруженного восстания в Доволенском и Кочковском районах, причем по заданию своих кураторов из УЧОСО уверяли, что во главе кочковских повстанцев находятся руководители района – председатель РИКа, начальники РАО и ОГПУ. Один из сексотов сообщал, что летом 1930 г. в с. Кочки состоялся съезд эсеровской партии с более чем сотней участников из всех округов Сибкрая и под предводительством... А.Ф. Керенского, «который указал нам, что скоро будет Советской власти крах».

Накопив достаточное количество подобной «информации», заместитель Заковского В.Н. Гарин и руководство УЧОСО 30 июля 1930 г. направили в Каменский окротдел ОГПУ директиву, где указывалось, что разрабатываемая организация «Черные» за последнее время значительно активизировалась, занимаясь подготовкой восстания. В связи с этим в начале августа во всех округах, где обнаружены «группы и связи» повстанцев, начнется «ликвидация разработки». В Каменском округе самые активные группы базировались в селах Кочки, Быструха, Жуланка, Панкрушиха, Мохнатка и др. Начальник окротдела обязывался составить точный оперативный план ликвидации с целью «одновременного изъятия всех лиц, проходящих по разработке».

Всего чекисты арестовали свыше 300 чел. в 46 населенных пунктах, но смогли обнаружить лишь несколько единиц оружия. Отсутствие запасов вооруже-

ния и отказ от показаний предполагавшихся вождей восстания не смутили работников ОГПУ. Последовало быстрое следствие под руководством Г.Л. Биримбаума, В.П. Журавлева и Я.А. Пасынкова, опиравшееся на массовые избиения. В результате были получены необходимые «признания». Тройкой были приговорены к расстрелу из 298 чел. всего 72 (одному из них по пути к месту казни удалось бежать). Заметая следы, чекисты уничтожили в качестве активистов организации и своих агентов⁸. Всего за 1930 г. в Западной Сибири выселению подверглось около 81 тыс. крестьян, а еще, как минимум, 20 тыс. чел. были арестованы. Тройкой ПП ОГПУ осуждено 16 553 чел., из них к высшей мере наказания приговорено 4762 чел., что более чем в 4 раза превышало средний по регионам СССР «расстрельный» показатель [4, с. 330–340].

С осени 1930 г. в органах ОГПУ под влиянием повстанческого движения началась основательная структурная перестройка. Функции главного борца с мятежами в сельской местности взял на себя укрупненный Особый отдел. После разделения ПП ОГПУ по Сибкраю на два краевых полпредства в октябре 1930 г. аппарат УЧОСО был упразднен, после чего подразделения, занимавшиеся информацией и учетами, снова стали самостоятельными. Но воссозданный ИНФО в ПП ОГПУ Западно-Сибирского края просуществовал недолго. Уже в марте 1931 г. всюду по СССР аппараты ИНФО были слиты с секретными отделами, образовав Секретно-политический отдел (СПО), ставший на долгое время основой всей системы политического сыска. Характерно, что СПО, меняя названия, но не сущность, существовали до самого краха советского режима и не раз в период наиболее крупных репрессивных кампаний 1930-х – начала 1940-х гг. действовали привычными методами «массовых операций».

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотарьов В.А. Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. Харків, 2007.
2. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999.
3. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 2005. Т. 3, кн. 2: 1932–1934.
4. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.
5. Ленинградский мартиролог 1937–1938. СПб., 1999. Т. 4: 1937 год.
6. Узгратов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999.
7. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931. Новосибирск, 1992. Т. 1.
8. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
9. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Красноярск, 2004–2009. Кн. 1–9.
10. Подишьякин М. Виновным себя не признал // Сегодняшняя газета (Канск). 1992. № 15. 13–20 апр.
11. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.

⁶ АУФСБ по НСО. Д. П-17386. Т. 7. Л. 525, 526.

⁷ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 122. Л. 235–237.

⁸ АУФСБ по НСО. Д. П-17386. Т. 1–7.